

Прошло не более четверти часа, и путники покинули префектуру. Хотя полдень еще не настал, небо затянуло иссиня-черными тучами, точно в сумерках; ласточки низко носились над переулками. Чжуан Шаогун отрешенно подумал, что скоро грянет ливень. Ин Цзиньюй вывел коня, привычным движением закрепил лук и саблю у седла, поправил завязки дорожной шляпы и бросил:

— Господин Чжуан, ваше письмо я доставлю.

Чжуан Шаогун лишь молча кивнул, не решаясь на пустые любезности. Он ясно видел, что Ин Цзиньюй подчинился лишь под давлением. Этот человек, хоть и был всего лишь мелким констеблем, обладал статью и достоинством, совсем не походившими на повадки безвестного рассыльного.

— Умин, — обернулся Шаогун, — ты ведь принудил господина Ина?

— Да.

— И как же?

— Запретил ему участвовать в турнире. А если не доставит письмо — убью его дядю.

Шаогун оцепенел. Он и не чаял, что о столь подлом поступке можно заявить с такой обезоруживающей прямоотой.

— Умин, — возмутился он, — сильный не притесняет слабого, хитрец не обманывает простеца. Констебль Ин — твой товарищ. Неужто так поступают с друзьями?

Ин Цзиньюй уже вскочил в седло, гадая про себя, что это за «сильный не притесняет», да «хитрец не обманывает». Умин же лишь скрестил руки на груди, не проронив ни слова. Чжуан Шаогун, приняв его молчание за пренебрежение, вспылил:

— Из-за твоего запрета господин Ин не попадет на состязания. А если дева Е приметил бы его, но судьба прошла бы мимо? Разве не ты своей подлостью погубишь его жизнь? Что же, ты и дальше собираешься прогонять всех молодых героев по пути в Цзиньлин? В таком случае нам лучше немедля повернуть домой.

Умин слушал вполуха, но внезапно вздрогнул, отвернулся и прижал платок к лицу, сдерживая кашель.

— Умин, ты меня разочаровал, — отрезал Шаогун. Видя, как юноша вечно прикидывается немощным, он решил более не потакать ему. — Порочный человек не достоин уважения, будь он хоть трижды знатен. Ты мой слуга, но будь ты хоть сановником — я и тогда не смог бы промолчать.

— Оставьте, — вмешался Ин Цзиньюй. — Мое сердце давно занято другой. В Цзиньлин я ехал лишь из вежливости, да еще из любопытства — нечасто выпадает случай увидеть цвет юных героев Поднебесной. Обойдусь и без этого.

— Я поучаю своих домочадцев, — не унимался Шаогун. — Даже мудрому судье трудно разобраться в семейных дразгах. Стоит ли вам, господин Ин, вступаться за него?

Констебль опешил, не понимая, откуда в молодом главе Чжуане столько ярости.

— Орлиный коготь Ин, — подал голос Умин. — Коли доставишь письмо, можешь идти на турнир.

Ин Цзиньюй мгновенно вернул себе грозный вид:

— Ладно. Но немедля убирайся из Юнчжоу, не то пеняй на себя!

С этими словами констебль Ин пришпорил коня и, горделиво выпрямившись, помчался в сторону Яншо. Он менял лошадей на каждой почтовой станции, пролетая по двадцать ли за раз и покрывая восемьсот ли в день — во сто крат быстрее, чем Чжуан Шаогун добирался до этих мест.

***

К тому времени, как вечерняя заря коснулась края неба, трое путников из семьи Чжуан уже покинули Юнчжоу. Они двигались вдоль реки Сян к верховьям, планируя у озера Байдань пересечь на лодки. Узнав, что в его доме скрывается гнездо государственных преступников, Чжуан Шаогун впал в отчаяние и более не надеялся найти приют в городах.

Он немного жалел, что обошёлся с Умином столь сурово, но, понаблюдав за ним несколько часов, понял: юноша совсем не злопамятен. Получив нагоняй, он будто сразу о нём забыл: то валялся в карете на спине, то растягивался ничком, а в конце концов и вовсе уснул, положив голову на колени Шагуна. Тот, глядя на него, и сам почувствовал, как накатывает дремота.

Сгустились сумерки. Умин внезапно сел и коснулся пояса. На вид он казался хрупким и болезненным, но руки его были совершенны — тонкие, изящные, с безупречно очерченными пальцами. Только у безнадёжно ленивого человека, который и пальцем не пошевелит, чтобы поднять упавший кувшин, могли быть такие прекрасные и в то же время пугающие руки. Белые, гладкие, без единого изъяна. Ногти, подстриженные с тщательным изяществом, подчёркивали мягкую округлость кончиков пальцев. Казалось, коснись такие руки лезвия — и сталь сама станет податливой и мягкой.

И вот сейчас эти руки, подобные нежному нефриту, скользнули под полы свободных одежд, распутывая узлы...

— Что ты делаешь? — вздрогнул Шаогун.

Умин взглянул на него так, словно тот спрашивал очевидное:

— Раздеваюсь.

— Прямо здесь? В карете? — Шаогун смутился. — Зачем тебе... раздеваться?

— Нужно переодеться.

Развязав пояс, Умин расправил плечи и скинул бурую робу. Шаогун, не смея более смотреть, поспешно выскочил за занавеску. Юноша же, не обращая внимания на замешательство господина, скомкал одежду и отбросил её в сторону, оставшись в облегающем ночном костюме для тайных вылазок. Он открыл сверток, достал кожаный пояс с серебряной сеткой и увесистый бамбуковый тубус.

В тубусе плотными рядами теснились Девять игл. Одни — толстые, как ланцеты, и тонкие, словно крылья цикады; другие — крохотные, как волоски; третьи — полые, будто жала пчёл; были иглы с зазубринами, длинные и острые, а некоторые — с привязанными к ним нитями ледяного шелкопряда. Этими иглами он и спасал жизни, и отнимал их. Но за каждое применение мастерства из канона «Пяти признаков увядания» приходилось платить годами жизни. А потому, вступал ли он в бой ради спасения или ради убийства, он всегда брал за это полную цену.

Умин уверенно перехватил влажную черную иглу кончиками пальцев. Жало к жалю — он одну за другой всадил их в ячейки серебряной сетки на пояс. Опоясав грудь и плечи этой смертоносной перевязью, он накинул сверху невзрачный халат и снова свернулся клубком, погружаясь в сон.

***

— Молодой господин, — донёсся голос возничего. Горная тропа окончательно потонула во тьме, и кучер шёл впереди, ведя лошадей под уздцы и освещая путь фонарём. — Ночной ветер холоден, зайдите в карету.

Чжуан Шаогун покачал головой. Мысли его путались, перед глазами всё стояли руки Умина. Ему вспомнилась легенда о Цзин Кэ: когда тот восхитился руками лютнистки, принц Янь велел отрубить их и поднёс гостью на нефритовом блюде... Если бы кто-то вроде Цзин Кэ увидел руки Умина, не пожелал бы он забрать их себе?

Шаогун с трудом отогнал дурные предчувствия. Дорога в горах под покровом ночи казалась ему необычайно свежей; он спрыгнул с подножки и пошёл рядом с кучером.

— Сидеть внутри стало совсем тошно. Весь день собиралась гроза, а дождя так и нет.

— Ветер усилился, — отозвался возникший. — Скоро ливанёт. Нужно искать укрытие.

— А поблизости есть жильё?

— В этих краях люди по ночам сидят тише мыши, даже собаки не лают. Вряд ли вы захотите здесь заночевать.

Едва он договорил, как издалека донёлся мелодичный звон. Когда горный ветер на миг разогнал туман, впереди, на главной дороге, проступили десятки теней. Они двигались ровным строем, точно длинная змея; без огней, чеканя шаг в унисон. В глухом лесу, в такую темень — откуда здесь взялся стольким людям?

Чжуан Шаогун, уже учёный горьким опытом, насторожился:

— Брат Ма, неужто опять разбойники?

— Не обязательно, — буркнул возникший и резким выдохом задул фонарь.

Шаогун вскрикнул от неожиданности — в одно мгновение мир вокруг исчез, став чернее сажи.

— Зачем вы потушили свет?

— Пусть пройдут мимо.

Звон стих. Тьма поглотила звуки, воцарилась гробовая тишина. Неясно было, ушли те тени или затаились; даже дыхание возникшего затихло. Внезапно резкий порыв ветра бросил Шаогуну в лицо клочок бумаги. Он нащупал его пальцами — по форме это были ритуальные деньги, которые жгут покойникам. Чжуан Шаогун в ужасе отбросил бумагу и бросился обратно в карету. Заскочив внутрь, он рухнул на мягкую скамью; по спине градом покатился холодный пот.

— Ты раздавил мне ногу, — неспешно произнёс голос в темноте.

Шаогун потянулся вперёд и наткнулся рукой на тонкую теплую ткань.

— Умин, снаружи творится что-то странное!

— Нога.

Чжуан только сейчас понял, что не просто сидит на юноше, но и мертвой хваткой вцепился ему в бедро. Лицо его вспыхнуло; он резко вскочил и тут же с силой ударился головой о крышу кареты. Он почувствовал, как из глаз посыпались искры, из-под век брызнули слезы, а лоб прошила резкая боль.

Умин тяжело вздохнул:

— Мазь от ушибов в свертке. Керамический флакон с деревянной пробкой.

Внутри и снаружи царил мрак. Шаогун нащупал флакон, смазал лоб и боязливо примостился с краю, рядом с Умином.

— Умин... — Шаогун хотел было извиниться, но внезапно всё вокруг озарилось вспышкой молнии. Грянул гром, и в тот же миг небеса разверзлись. Ночной дождь в краях Сян и Сяо лил нескончаемым потоком, точно слезы легендарных наложниц. Путники сидели в карете, оглушенные шумом ливня, отрезанные от всего мира. Воздух пропитался влагой. Чжуан Шаогун понемногу успокоился. Грозовая ночь в глухих горах, взаперти в повозке — такого опыта у него ещё не было. Но стоило ему вспомнить, что рядом Умин, которого боятся и власти, и бандиты, как страх отступал. Если и стоило о чем-то беспокоиться, так это о том, не решит ли Умин устроить здесь бойню.

Капли воды начали просачиваться сквозь щели в крыше.

— Молодой господин, — возничий приоткрыл занавеску, утирая воду с лица, — ливень слишком силён, карета может не выдержать. Впереди я видел заброшенную гостиницу. Те люди зашли туда на постой, думаю, там безопасно.

Очередная молния расколола небо, ослепив Шаогуна. Гром покатился по ущельям.

— Хорошо, — выдохнул он.

Схватив узлы и раскрыв зонт, Шаогун первым спрыгнул на землю, едва не угодив лицом в дорожную жижу. Возничий подхватил его под локоть и прикрыл от дождя. Умин тоже вышел под зонтом. Увидев, что колеса глубоко увязли в грязи, кучер распряг лошадей, и трое путников с двумя конями поспешили к приюту.

Подойдя к дверям, Шаогун в свете очередной вспышки взглянул вверх. Над входом висела полусгнившая табличка с надписью: «Гостиница мертвецов». Почерневшие от времени створки дверей лежали на земле, на паутине дрожали тяжелые капли, а сухие листья с шорохом носились под порывами ветра. На душе у Шаогуна стало зябко — это место меньше всего походило на гостеприимный кров.

Внутри теплился огонек — двое рослых мужчин сидели на полу, сжигая солому и обрывки

ткани. Оба были в даосских робах, оба на редкость уродливы: один — с заячьей губой, у другого левую щеку украшала огромная волосатая родинка. Заметив даосов, Шаогун вежливо поклонился:

— Достопочтенные наставники, в эту ненастную ночь мы позволили себе потревожить ваш покой.

Человек с родинкой окинул его быстрым взглядом и едва заметно кивнул. Чжуан поблагодарил его. Возничий привязал коней под навесом, отыскал длинную скамью, вытер её насухо и подставил господину.

Умин тоже зашел внутрь. С безучастным видом он пробрел в угол, сложил зонт и, точно котенок, зарылся в кучу сухой соломы. Шаогун поморщился: юноша был совсем неприспособлен.

— Умин, сядь поближе к огню. Разве в сене люди спят?

С соломенной кучи не донеслось ни звука.

Возничий обернулся к господину:

— Молодой господин, я схожу к карете за одеялами, чтобы мы могли скоротать здесь ночь.

Чжуан Шаогун кивнул. В гостинице остались лишь он и двое даосов. Тишина казалась неестественной и пугающей. Чтобы разогнать неловкость, Шаогун спросил:

— Откуда и куда держите путь, наставники?

Услышав это, даос с родинкой хохотнул, обращаясь к товарищу на воровском жаргоне:

— Глянь, этот простак принял нас за святош. Смехота!

Тот, что с заячьей губой, лишь сжал резной бронзовый колокольчик, прижимая пальцем язык внутри, и ничего не ответил.

Даос с родинкой снова повернулся к Шаогуну:

— Мы люди торговые.

— И чем же вы торгуете?

— Парень, мы в «Гостинице мертвецов». Ясное дело — торгуем мертвечиной.

<http://bllate.org/book/17481/1693441>